

Кэрри

Автор:

Стивен Кинг

Кэрри

Стивен Кинг

«Кэрри». Роман, после публикации которого Стивен Кинг проснулся знаменитым.

История затравленной одноклассниками, забитой матерью девушки из маленького городка Касл-Рок. Девушки, в которой дремлет чудовищный по силе дар телекинеза.

Роман «Кэрри» не раз становился основой кинофильмов...

И вот теперь новая экранизация – «Телекинез» – с Хлоей Грейс Морец и Джулианной Мур в главных ролях!

Часть первая

Кровавый спорт

Сообщение из еженедельника «Энтерпрайз», г. Вестоувер (штат Мэн), 19 августа 1966 года:

КАМЕННЫЙ ГРАД

Сразу несколько очевидцев подтвердили, что 17 августа на Карлин-стрит в городе Чемберлене при совершенно ясной, безоблачной погоде обрушился град камней. Камни попали в основном на дом миссис Маргарет Уайт. В значительной степени повреждены крыша, два водосточных желоба и водосточная труба. Ущерб оценивается приблизительно в 25 долларов. Миссис Уайт, вдова, живет со своей трехлетней дочерью, Кэриеттой. Сама миссис Уайт давать интервью отказалась.

* * *

Когда это произошло, никто в общем-то не удивился, во всяком случае, внутренне, на подсознательном уровне, где обычно и зреют, дожидаясь своего часа, недобрые чувства. Внешне все девушки, кто был тогда в душевой, вели себя по-разному – кто-то ужаснулся, кого-то происшедшее шокировало, кому-то стало стыдно, а некоторые просто радовались, что этой стерве Кэрри Уайт опять досталось. Кое-кто, возможно, даже утверждал после, что для них это событие явилось неожиданностью, но, разумеется, они лгали. С некоторыми из девушек Кэрри ходила в школу с самого первого класса, и ростки конфликта, зародившиеся еще тогда, все эти годы медленно и неотвратимо набирали силу в полном соответствии с законами человеческой природы – словно некая цепная реакция в критической массе радиоактивного материала.

И конечно же, никто из них не знал, что Кэрри Уайт обладает телекинетическими способностями.

Надпись, выцарапанная на столе начальной школы на Баркер-стрит в городе Чемберлене:

Кэрри Уайт ест дерьмо.

Раздевалка заполнилась криками, звонким многоголосым эхом и плеском воды, падающей на кафельный пол. На первом уроке девушки играли в волейбол, и утренний пот был легкий и свежий.

Они потягивались и выгибались под струями горячей воды, повизгивали и брызгались, время от времени выжимая скользкие белые кусочки мыла из одной ладони в другую. Кэрри стояла посреди этой веселой кутерьмы почти неподвижно – словно лягушка среди лебедей: довольно крупная, немного нескладная, прыщи на шее, на спине и на ягодицах, мокрые бесцветные волосы, безвольно облепившие лицо по бокам. Кэрри просто стояла, чуть склонив голову вперед, под струями воды, бьющей по коже и стекающей вниз. По виду – идеальная кандидатура на роль «козла отпущения», объект постоянных насмешек и издевательств, вечная неудачница. Собственно говоря, так оно и было в жизни. «Ну почему здесь нет отдельных кабинок, как в Андоуверской школе или в Боксфорде? – тоскливо думала Кэрри. – Ведь они все время смотрят. Нет, они просто плятятся».

Один за другим выключаются краны, девушки выходят из-под душа, снимают купальные шапочки нежных цветов, насухо вытираются и пшикают дезодорантами, то и дело поглядывая на часы над дверью. Щелкают застежки лифчиков; переступая с ноги на ногу, девушки натягивают трусики. В воздухе висит пар – почти что египетские бани, иллюзию нарушает только небольшой бассейн с мощными струями проточной воды в углу.

Возгласы и крики разлетаются по помещению, отражаясь от всех стен, словно бильярдные шары после сильного удара.

– ...а Томми говорит, что просто ненавидит, когда я надеваю эту...

– ...я еду с сестрой и ее мужем. Он, правда, ковыряет в носу, но она тоже, так что они друг друга...

– ...принять душ после школы и...

– ...оказалось, он такой жмот, и мы с Синди...

Мисс Дежардин, их стройная, но почти плоская учительница физкультуры, зашла в раздевалку, окинула помещение взглядом и резко хлопнула в ладоши.

– Кэрри, ну чего ждешь? Второго пришествия? Через пять минут звонок!

На ней были ослепительно белые спортивные трусы; ноги, может быть, не совсем идеальные, но в меру мускулистые, задерживали взгляд. На груди учительницы висел серебряный свисток – приз за победу в соревнованиях по стрельбе из лука, выигранный еще в колледже.

Девушки захихикали, и Кэрри медленно, словно в полудреме, подняла взгляд, вырываясь из оцепенения, завладевшего ею под ровный грохот падающей горячей воды.

– Б-р-р-а?

Звук получился какой-то странный, не то булькающий, не то квакающий – все будто этого и ждали и снова захихикали. Сью Снелл сорвала с головы полотенце, взмахнула им, словно фокусник на сцене, и принялась быстро расчесывать волосы. Мисс Дежардин раздраженно повела рукой в сторону Кэрри и вышла.

Кэрри выключила воду. Сверху упали последние капли, и в кране коротко булькнуло. Она сделала шаг к своему шкафчику, и только тут все увидели, что по ноге у нее стекает кровь.

Из книги «Взорванная тень: реальные факты и выводы по истории Кэриетты Уайт», Дэвид Р. Конгресс (Издательство Тулонского университета, 1981), стр. 34:

Без сомнения, то, что конкретные проявления телекинетических способностей Кэриетты Уайт не были замечены в раннем возрасте, можно объяснить заключением, которое предложили Уайт и Стирнс в своем докладе «Телекинез: возвращение к неистовому таланту», а именно: способность перемещать предметы одним усилием мысли проявляется только в ситуациях, связанных с предельными нагрузками на психику. Ведь и в самом деле, талант, как правило, надежно укрыт от посторонних глаз – иначе как бы тогда проявления этой способности оставались вне поля зрения исследователей, подобно айсбергу показываясь над морем шарлатанства лишь малой своей частью?

В данном случае мы располагаем только отрывочными сведениями, порой похожими на слухи, но даже этого достаточно, чтобы сделать вывод об огромном ТК-потенциале, которым обладала Кэрри Уайт. Трагедия заключается в том, что все мы уже опоздали...

- Месячные!

Первой крикнула Крис Харгенсен. Слово ударило о кафельные стены, мгновенно отлетело эхом и ударило вновь. Сью Снелл насмешливо фыркнула, почувствовав в душе странную, неуютную смесь ненависти, отвращения, раздражения и жалости. Кэрри выглядела удивительно глупо, когда стояла вот так, не замечая, что происходит. Боже, можно подумать, у нее никогда не было...

- МЕСЯЧНЫЕ!

Теперь кричали уже хором, словно заклинание. Затем кто-то в другом конце раздевалки (может быть, опять Харгенсен, но Сью уже не разобрала в сумятице голосов и отраженного от стен эха) крикнул хриплым распушенным голосом: «Заткни течь!»

- МЕ-СЯЧ-НЫ-Е! МЕ-СЯЧ-НЫ-Е! МЕ-СЯЧ-НЫ-Е!

Затравленно озираясь, Кэрри стояла в центре образовавшегося круга, и по ее коже скатывались крупные капли воды. Стояла, словно терпеливый вол, понимая, что смеются, как всегда, над ней, смущенно молчала, но несколько не удивлялась – привыкла.

Когда первые капли менструальной крови, ударившись о кафельные плитки, растеклись темными пятнами размером с десятицентовую монету, Сью почувствовала, как поднимается в ней волна отвращения.

- Черт побери, Кэрри! У тебя же месячные! – крикнула она. – Приведи себя в порядок!

- А? – Кэрри обвела стоящих перед ней девушек непонимающим взглядом. Мокрые волосы липли к ее щекам, словно застегнутый у подбородка шлем. На

плече – целое созвездие прыщей. В шестнадцать лет в ее глазах уже ясно читались затаенная боль и унижение.

– Она, наверное, думает, что ими только губную помаду можно стирать! – насмешливо выкрикнула вдруг Рут Гроган, словно только что припомнила какой-то забавный случай, и визгливо расхохоталась. Сью вспомнила эту реплику позже и вписала ее в картину происходящего, но в тот момент она даже не поняла смысла – еще один выкрик в нестройной мешанине голосов.
«Шестнадцать лет? – думала Сью. – Пора бы ей знать, что происходит, пора...»

На пол упали еще несколько капель. Кэрри медленно переводила взгляд с одной девушки на другую, по-прежнему в полном недоумении.

Элен Шайрс отвернулась и сделала вид, будто ее тошнит.

– У тебя же кровотечение! – пронзительно крикнула Сью, вконец обозлясь. – Кровь, дура ты бестолковая!

Кэрри посмотрела вниз и испуганно взвизгнула.

Во влажном воздухе раздевалки ее визг прозвучал неожиданно громко.

В грудь Кэрри ударился тампон и с легким шлепком упал на пол у самых ног. По вате тут же расплзся темно-красный цветок.

А затем смех – издевательский, презрительный, истеричный – вдруг словно разбух, превратившись во что-то совсем дикое и уродливое, и все, кто был в раздевалке, принялись швырять в Кэрри тампонами и гигиеническими пакетами – кто из сумок, а кто из сломанного автомата на стене. Они сыпались на Кэрри, будто тяжелые снежинки, а все скандировали:

– За-ткни-течь-за-ткни-течь-за-ткни-течь...

Сью тоже бросала – бросала и кричала вместе со всеми, не совсем даже понимая, что делает. В мозгу ее вспыхивала неоновым светом и не переставая крутилась, как заклинание, одна только мысль: «Ничего плохого здесь нет в самом деле ничего плохого здесь нет в самом деле ничего плохого...» Она еще

вспыхивала и светилась, успокаивая и обнадеживая, когда вдруг Кэрри завывала и попятилась, отмахиваясь руками, бормоча что-то и всхлипывая.

Девушки неожиданно остановились, осознав, что цепная реакция вот-вот приведет к взрыву. Именно в этот момент, как уверяли некоторые, они почувствовали удивление. Однако все те годы не прошли бесследно, все те годы, вместившие «давай стянем у Кэрри простыню» в летнем лагере христианской молодежи, и «я нашла ее любовное письмо к Бобби Пикетту, давай размножим его и всем раздадим», и «давай спрячем где-нибудь ее трусы», и «давай сунем ей в туфли змею», и «топи ее, топи». Вот Кэрри упрямо тащится за группой на велосипеде и никак не может догнать. Кэрри, которую в прошлом году звали «пудингом», а в этом – «мордой», Кэрри, от которой всегда пахнет потом. А вот она, присев помочиться в кустах, обжигает зад крапивой, и все об этом узнают («Эй, краснозадая, как, до сих пор еще чешется?»). Вот Билли Престон мажет ей волосы ореховым маслом, когда она уснула на занятиях. А сколько ее щипали, ставили ей подножки, когда она шла к доске, сбрасывали ее учебники со стола... Или тот случай, когда ей в сумку подсунули скабресную открытку... Вот Кэрри на церковном пикнике: она опускается неловко на колени, чтобы помолиться, наклоняется, и шов на старой полосатой юбке расходится вдоль молнии с таким звуком, будто кто-то громко «подпустил ветра». Кэрри, которая никогда не может поймать мяч, даже когда он летит ей прямо в руки, и всегда влетает в сетку на волейбольном поле. Кэрри, которая на втором году средней школы споткнулась на уроке современного танца, растянулась на полу и отколола зуб. Кэрри, у которой чулки всегда со стрелками, или «бегут» прямо на глазах, или вот-вот «побегут». Кэрри, у которой всегда влажные пятна под мышками... Или вот Крис Харгенсен звонит ей после школы из автомата на окраине города и спрашивает, знает ли она, что «поросычье дерьмо» пишется всего в пять букв: К-Э-Р-Р-И... Все это вдруг сложилось вместе, и масса стала больше критической. Последний убийственный прикол, последняя капля в чаше терпения – и все. Взрыв.

Кэрри взывала в наступившем молчании и, закрыв лицо полными руками, попятилась. К мокрым волосам внизу живота прилип метко брошенный кем-то ватный тампон.

Девушки следили за ней внимательными, настороженными взглядами.

Кэрри забилась в угол одного из четырех больших отделений душевой и медленно опустилась по стене на пол. Из ее горла рвались тягучие,

беспомощные стоны. Глаза закатились, сверкая влажными белками, словно глаза свиньи в загоне бойни.

- Мне кажется, это у нее в первый раз... - неуверенно произнесла Сью.

В этот момент с резким плоским хлопком распахнулась, ударив в стену, дверь, и в раздевалку, узнать, что происходит, влетела мисс Дежардин.

Из книги «Взорванная тень» (стр. 41):

Как медики, так и психологи, занимавшиеся этим вопросом, соглашались, что необычно позднее и столь травмирующее начало менструального цикла у Кэрри Уайт вполне могло послужить толчком к пробуждению ее латентных способностей.

Невероятно, но до самого 1979 года Кэрри просто не имела понятия о цикличности процессов в организме зрелой женщины. И столь же невероятным кажется тот факт, что ее матери даже не пришло в голову обратиться к гинекологу относительно задержки у дочери почти до семнадцати лет начала менструального цикла.

Тем не менее факты именно таковы. Когда Кэрри Уайт обнаружила, что у нее началось кровотечение из влагалищного отверстия, она совершенно не понимала, что происходит. Само понятие «менструация» было ей совершенно незнакомо.

Одна из оставшихся в живых ее одноклассниц, Рут Гроган, рассказывала, что примерно за год до описываемых событий она как-то раз зашла в раздевалку и увидела, как Кэрри стирает тампоном губную помаду. Мисс Гроган спросила ее: «Что это, черт возьми, ты тут делаешь?» И когда мисс Уайт поинтересовалась, что она делает неправильно, мисс Гроган ответила: «Нет-нет, все правильно». Рут Гроган рассказала об этом случае кое-кому из своих подруг (автору этих строк она объяснила, что полагала тогда, будто «в этом даже что-то есть»), и если позже кто-то пытался объяснить Кэрри истинное назначение тампонов, которыми та стирала губную помаду, она, возможно, относилась к подобным

разъяснениям как к очередному розыгрышу – эта сторона жизни давно стала для нее привычной...

Когда отзвенел звонок и девушки отправились на второй урок (некоторым из них удалось незаметно ускользнуть через запасной выход еще до того, как мисс Дежардин стала запоминать фамилии), мисс Дежардин, недолго думая, воспользовалась стандартным приемом против истерики, а именно – залепила Кэрри пощечину. Конечно, она вряд ли признала бы, что это доставило ей определенное удовольствие, и наверняка стала бы отрицать, что считает Кэрри «жирной визгливой свиньей». Она преподавала первый год и пока еще не сомневалась, что и в самом деле верит, будто все дети хороши.

Кэрри посмотрела на нее снизу вверх затравленным взглядом. На лице ее застыла плаксивая гримаса, губы дрожали.

– М-м-мисс Де-де...

– Вставай, – бесстрастно сказала мисс Дежардин. – Встань и приведи себя в порядок.

– У меня кровь, я умираю... – взвизгнула Кэрри, и одной рукой, слепо ищущей, за что ухватиться, вцепилась в белые спортивные трусы мисс Дежардин, оставив на них грязный кровавый отпечаток ладони.

– Я... ты... – Учительницу передернуло от отвращения, и она, резко подняв Кэрри на ноги, вдруг толкнула ее к стене. – Быстро!

На полпути от душевой до стены, где висел автомат с гигиеническими пакетами, Кэрри остановилась, с трудом держась на ногах, и, сгорбив плечи, наклонилась вперед. Руки ее безвольно болтались у колен, грудь провисла, и выглядела она в этот момент словно обезьяна. В блестящих от слез глазах – одна пустота.

– Ну, в чем дело? – зло прошипела мисс Дежардин. – Ну-ка возьми тампон... Нет, не надо никакой монеты, он все равно сломан... возьми тампон и... Черт побери, ты слышишь, что я говорю? В самом-то деле, что, у тебя первые месячные?..

– Месячные? – переспросила Кэрри.

Полное непонимание, написанное на ее лице, выглядело слишком правдоподобно, и слишком много было в нем немного безотчетного ужаса, чтобы не заметить этого и не задуматься. У Роды Дежардин вдруг зародилось мрачное, черное подозрение... Невероятно... Нет, этого просто не может быть... У нее самой менструация началась вскоре после одиннадцатого дня рождения – она тогда прошла до лестницы из детской и взволнованно крикнула вниз: «Мама, я накапала на ковер!»

– Кэрри? – произнесла она тихо, подходя ближе. – Кэрри?

Та шагнула назад, и в то же мгновение с раскатистым грохотом обрушилась в углу стойка с ракетками для софтбола. Ракетки разлетелись по полу, и мисс Дежардин невольно подпрыгнула.

– Кэрри, это у тебя первые месячные?

Теперь, когда она догадалась сама, можно было и не спрашивать: густая темная кровь вытекала с ужасающей медлительностью. Обе ноги Кэрри были заляпаны и забрызганы красным, словно она переходила вброд кровяную реку.

– Больно, – простонала Кэрри. – Живот...

– Это пройдет, – попыталась успокоить ее мисс Дежардин. В душе ее смешались жалость и стыд, и чувствовала она себя немного неловко. – Надо... э-э-э... надо остановить кровь. Ты...

Над головой вспыхнула и с громким хлопком перегорела лампочка. Мисс Дежардин испуганно вскрикнула, и ей подумалось («сейчас все рухнет к чертовой матери»), что вокруг Кэрри, когда она расстроена, подобное случается постоянно, словно невезение преследует ее по пятам. Но мысль растаяла почти так же быстро, как и появилась. Мисс Дежардин достала из сломанного автомата пакет, развернула и сказала:

– Смотри: вот так надо...

Из книги «Взорванная тень» (стр. 54):

Маргарет Уайт, мать Кэрри, родила ее 21 сентября 1963 года, причем обстоятельства, связанные с этими родами, вполне можно охарактеризовать как «весьма необычные». Более того, при внимательном изучении истории Кэрри Уайт невольно возникает устойчивое ощущение, что сама Кэрри – лишь одна сторона жизни этого довольно эксцентричного семейства, замеченная обществом.

Как уже писалось ранее, Ральф Уайт погиб в феврале 1963 года, когда на строительстве дома в Портленде на него упала стальная балка. Миссис Уайт осталась жить в своем домике на окраине Чемберлена.

В силу почти фанатичного отношения мужа к фундаменталистской религии у миссис Уайт не было подруг, которые навещали бы ее после похорон, и, когда спустя семь месяцев у нее начались схватки, она оказалась в одиночестве.

21 сентября, примерно в 13.30, соседи миссис Уайт по Карлин-стрит услышали крики, доносившиеся из ее дома. Однако полицию туда вызвали только после шести вечера, и столь длительной задержке есть два в равной степени некрасивых объяснения: или соседи не хотели быть втянутыми в полицейское расследование, или неприязнь к миссис Уайт достигла такой степени, что они намеренно решили «подождать, чем кончится». Миссис Джорджия Маклафлин, единственная, кто из трех оставшихся в живых соседей Уайтов согласилась говорить со мной об этом, сказала, что не вызвала полицию, решив, будто крики как-то связаны с состоянием «религиозного исступления».

Когда в 18.22 все-таки прибыла полиция, крики повторялись лишь изредка. Миссис Уайт обнаружили в своей постели наверху, и поначалу старший офицер подумал, что на нее совершено разбойное нападение. Все постельное белье было в крови, а на полу у кровати лежал мясницкий нож. Лишь спустя несколько секунд он заметил ребенка, все еще частично обернутого плацентарной пленкой, которого миссис Уайт прижимала к груди. Очевидно, она сама и перерезала пуповину.

Слишком невероятной, пожалуй, выглядит гипотеза о том, что миссис Уайт не знала о собственной беременности или даже не понимала, что означает это слово. Гораздо более достоверным кажется предположение, выдвинутое исследователями истории этого семейства Дж. Б. Бэнксоном и Джорджем

Фелдингом, – предположение о том, что это понятие, неразрывно связанное в ее восприятии с «грехом» полового сношения, было у нее в сознании полностью заблокировано. Возможно, она просто отказывалась верить, что подобное может с ней произойти.

По крайней мере в трех письмах, адресованных подруге в городок Кеноша, штат Висконсин, которые оказались в нашем распоряжении, имеются удивительные доказательства того, что начиная с пятого месяца беременности миссис Уайт верила, будто у нее «рак женских частей» и скоро она присоединится к мужу на небесах.

* * *

Пятнадцать минут спустя, когда мисс Дежардин повела Кэрри в кабинет директора, коридоры, по счастью, опустели. Учителя и ученики монотонно бубнили за закрытыми дверями классов.

Кэрри уже не кричала, но то и дело всхлипывала. Мисс Дежардин в конце концов подложила ей тампон сама, вытерла Кэрри мокрыми бумажными полотенцами и натянула на нее простые хлопчатобумажные трусы.

Учительница дважды пыталась объяснить ей, что менструация – это самое обычное дело, но Кэрри каждый раз закрывала уши руками и продолжала плакать.

Когда они вошли в приемную, заместитель директора школы мистер Мортон тут же выскочил из своего кабинета им навстречу. В приемной, дожидаясь взбучки за прогул урока французского, сидели Билли Делуи и Генри Треннант. Оба сразу уставились на мисс Дежардин и Кэрри.

– Входите, – торопливо сказал мистер Мортон. – Входите же.

Он бросил сердитый взгляд на прогульщиков, которые не отрываясь пялились на кровавое пятно на белых спортивных трусах учительницы.

– Что уставились?

- Кровь, - ответил Генри и глуповато улыбнулся.

- Два недопуска на уроки! - рявкнул мистер Мортон, затем увидел кровавое пятно и моргнул.

Он закрыл дверь кабинета и принялся рыться в верхнем ящике картотечного шкафа, где должны были храниться бланки актов о травматизме.

- Ты как себя чувствуешь, э-э-э?..

- Кэрри, - подсказала мисс Дежардин. - Кэрри Уайт.

Мистер Мортон отыскал наконец бланк, но на нем оказалось большое кофейное пятно.

- Он вам не понадобится, мистер Мортон.

- Надо полагать, это на батуте... Что? Не понадобится?

- Нет. Но я думаю, Кэрри нужно отпустить сегодня домой. С ней произошел в некотором смысле травмирующий случай. - Она многозначительно взглянула ему в глаза, но он все равно не понял, в чем дело.

- Э-э-э... ладно. Как скажете. Хорошо. - Мортон запихнул бланк обратно в ящик, резко задвинул его на место и, прищемив палец, коротко охнул. Затем величественно повернулся к двери, открыл ее рывком и, бросив еще один свирепый взгляд на Билли и Генри, произнес: - Мисс Фиш, подготовьте пожалуйста, освобождение от занятий для Кэрри Райт.

- Уайт, - поправила мисс Дежардин.

- Уайт, - согласился Мортон.

Билли Делуи захихикал.

– Неделя недопуска! – рявкнул Мортон. Под ногтем уже налился кровью синяк, и болел палец нещадно.

Кэрри плакала не переставая. Спустя минуту секретарша принесла желтый талончик освобождения от занятий, а мистер Мортон достал из кармана серебристый карандаш и, поморщившись от боли, прострелившей большой палец, нацарапал свои инициалы.

– Может быть, тебя подбросить, Кэсси? – спросил он. – Если нужно, мы вызовем такси.

Кэрри покачала головой. Мортон заметил, что у одной ее ноздри вздулся большой пузырь зеленых соплей, неприязненно отвел взгляд и посмотрел на мисс Дежардин.

– Я думаю, все будет в порядке, – сказала она. – Кэрри идти только до Карлин-стрит. На свежем воздухе ей станет лучше.

Мортон вручил Кэрри желтый талончик и великодушно добавил:

– Можешь идти, Кэсси.

– Кэрри! Меня зовут Кэрри! – вдруг взвизгнула она.

Мортон отшатнулся, а мисс Дежардин подскочила на месте, словно ее ударили сзади. Тяжелая керамическая пепельница на столе Мортон (роденовский «Мыслитель» с полой головой, куда и полагалось кидать окурки) грохнулась на ковер, будто спасаясь от громкого крика. Окурки и выбитые из трубки Мортон остатки табака рассыпались по бледно-зеленому синтетическому ковру.

– Послушай-ка... – Мортон придал своему голосу твердость. – Я понимаю, ты расстроена, но это не означает, что я намерен терпеть...

– Ну пожалуйста... – тихо сказала мисс Дежардин.

Мортон умолк, удивленно моргнул, затем коротко кивнул. Выполняя функции блюстителя дисциплины, что, собственно, и было его основной работой на посту

заместителя директора, он старательно изображал из себя этакого обаятельного Джона Уэйна, но ему это не всегда удавалось. Начальство (которое на церковных ужинах, собраниях Ассоциации родителей и преподавателей или церемониях награждения Американского легиона обычно представлял директор Генри Грэйл) окрестило его «нашим обаятельным Мормом». Учащиеся, правда, чаще называли его «этот чокнутый жоподрал», но, поскольку ученики вроде Билли Делуи или Генри Треннанта чрезвычайно редко выступают на родительских собраниях и городских мероприятиях, широкой общественности больше было известно мнение начальства.

Поглаживая за спиной придавленный палец, «обаятельный Морт» улыбнулся Кэрри и сказал:

– Хорошо, мисс Райт, вы можете идти, если хотите. Или, может быть, вам лучше посидеть немного, прийти в себя?

– Я пойду, – пробормотала она и откинула упавшие на лицо волосы, затем встала и посмотрела на мисс Дежардин широко открытыми потемневшими глазами, словно заполнившимися новым пониманием. – Они смеялись надо мной. И бросали в меня вещи. Они всегда смеются.

Мисс Дежардин ответила ей лишь беспомощным взглядом, и Кэрри вышла.

Мортон и молодая учительница молча посмотрели ей вслед, затем мистер Мортон громко прочистил горло, осторожно наклонился и принялся собирать рассыпавшийся из пепельницы мусор.

– Что же все-таки произошло?

Мисс Дежардин глубоко вздохнула и брезгливо посмотрела на красно-коричневый отпечаток ладони на своей спортивной форме.

– У нее начались месячные. Первые месячные. Прямо в душевой.

Мортон снова прочистил горло и слегка покраснел. Лист бумаги, которым он сгребал окурки в кучу, задвигался еще быстрее.

- Не слишком ли это э-э-э?..

- Поздно для первых месячных? Да. Но именно поэтому она так тяжело и отреагировала. Хотя я не могу понять, почему ее мать... - Незаконченная мысль на мгновение скрылась за другими волнующими проблемами. - Видимо, я не очень хорошо справилась с ситуацией, но я не понимала, что происходит. Она думала, что умирает от кровотечения.

Мортон поднял встревоженный взгляд.

- Похоже, еще полчаса назад она даже не знала, что такое месячные.

- Дайте мне маленькую щетку, мисс Дежардин... Да, вот эту.

Она передала ему щетку, успев заметить надпись на рукоятке: «Чемберленская компания «Все для дома» НИКОГДА не отмечает клиента». Мортон принялся заметать кучу пепла и окурков на лист бумаги.

- Пожалуй, тут еще и пылесосом нужно будет пройтись. Так все равно не вычистим... Однако мне казалось, пепельница стояла дальше от края. Странно, как иногда вещи падают совершенно неожиданно. - Он ударился головой о крышку стола, отшатнулся в сторону и выпрямился. - С трудом верится, что девушка в год окончания школы - здесь или где-нибудь еще - не имеет понятия о менструальном цикле, мисс Дежардин.

- Мне в это поверить еще труднее, - ответила учительница, - но я не могу придумать другого объяснения. И кроме того, она всегда была в классе вроде козла отпущения.

- Хм... - Мортон высыпал мусор в корзину и отряхнул руки. - Кажется, я ее вспомнил. Уайт. Дочь Маргарет Уайт. Да, именно. Теперь уже верится немного легче. - Он сел за стол и виновато улыбнулся. - Их так много... Проходит лет пять, и они все сливаются в памяти. Начинаешь называть учеников именами их братьев и в таком вот духе. Всех не упомнишь.

- Да, конечно.

– Подождите, вот покрутитесь, как я, лет двадцать, – проговорил он, разглядывая с мрачным видом распухший палец. – Иногда я вижу детей, которые кажутся мне смутно знакомыми, а потом узнаю, что когда-то на первом году работы учил их отцов. Маргарет Уайт, правда, была еще до меня, за что я искренне благодарен судьбе. Она в свое время заявила миссис Бисенте, упокой Господь ее душу, что Всевышний, мол, приготовил для нее в аду особое место – за то, что она рассказала ученикам общие положения эволюционной теории Дарвина. И дважды ее отстраняли здесь от занятий – один раз за то, что она избила одноклассницу сумкой. По слухам, Маргарет заметила, что та курит. Весьма странные религиозные убеждения. Очень странные. – Внезапно он снова стал похож на Джона Уэйна. – А те остальные девушки? Они действительно над ней смеялись?

– Хуже. Когда я вошла, они орала хором и швыряли в нее гигиеническими пакетами. Буквально забрасывали.

– О Боже! – Джон Уэйн исчез, и мистер Мортон залился краской. – Вы запомнили фамилии?

– Да. Не все, правда. Но те, кого запомнила, я думаю, выдадут остальных. Кристина Харгенсен, похоже, была заводилой этого безобразия... Как и всегда.

– Крис и ее «шальная команда»... – пробормотал Мортон.

– Да. Тина Блейк, Рэйчел Спайс, Элен Шайрс, Донна Тибодо и ее сестра Ферн, Лайла Грейс, Джессика Апшоу. И Сью Снелл. – Мисс Дежардин нахмурилась. – Никогда не ожидала такого от Сью. Мне казалось, подобные выходки не в ее характере.

– Вы уже разговаривали с девушками?

Мисс Дежардин разочарованно причмокнула языком.

– Я их просто выгнала оттуда. Слишком сильно разозлилась. И кроме того, у Кэрри была настоящая истерика.

– Хм... – Мортон сцепил пальцы. – Но вы собираетесь поговорить с ними?

– Да. – Особого энтузиазма, однако, в ответе не чувствовалось.

– Мне кажется, что вы не очень...

– Возможно, вы правы, – подтвердила она. – Они меня там видели. И я прекрасно понимаю, что девушки чувствовали. Мне самой хотелось просто взять ее за плечи и хорошенько встряхнуть. Не знаю, может, это какой-то инстинкт, связанный с менструацией, и он заставляет женщин рычать и огрызаться. У меня до сих пор стоит перед глазами Сью Снелл. Я хорошо помню, как она выглядела в тот момент.

– Хм... – глубокомысленно повторил мистер Мортон. Он не понимал женщин, и уж совсем не хотелось ему обсуждать месячные.

– Я поговорю с ними завтра, – пообещала она, поднимаясь. – Я им такой разнос устрою!

– Хорошо. Наказание должно соответствовать преступлению. И если вы сочтете необходимым отправить кого-то из них ко мне, не стесняйтесь...

– Не буду, – ответила она, улыбнувшись. – Кстати, пока я ее успокаивала, там лампа перегорела. Так сказать, добавила последний штрих.

– Я немедленно пошлю туда монтера, – заверил ее Мортон. – Спасибо за ваши старания, мисс Дежардин. Попросите, пожалуйста, мисс Фиш пригласить сюда Билли и Генри.

– Хорошо.

Она вышла.

Мистер Мортон откинулся в кресле и с чистой совестью выбросил все происшедшее из головы. Когда в кабинет несмело вошли заядлые прогульщики Билли Делуи и Генри Треннант, он улыбнулся, бросил на них хищный взгляд и приготовился метать молнии. Недаром же он всегда говорил Генри Грэйлу, что ест прогульщиков на ленч.

Надпись, выцарапанная на крышке стола в средней школе города Чемберлена:

На прогулку вышел класс – и вот те раз: все купили эскимо, а Кэрри Уайт жует дерьмо.

Кэрри пошла по Ювин-авеню и у светофора свернула на Карлин-стрит. Она шла, повесив голову, и старалась ни о чем не думать. Боль в животе то накатывала, то снова отпускала, и Кэрри то замедляла шаг, то снова двигалась быстрее, как машина с разлаженным карбюратором. Взгляд невольно выхватывал всякие мелочи на мостовой. Сверкающие осколки кварца, замешанного в бетон. Расчерченные мелом и выцветшие от дождя клетки для «классов». Раздавленные шарики жевательной резинки. Кусочки фольги и фантики от дешевых конфет. Они все меня ненавидят, и это никогда не кончится. Им никогда это не надоест. Мелкая монетка, торчащая из трещины в мостовой. Кэрри бездумно шаркнула по ней ногой. Как приятно представлять себе Крис Харгенсен – она вся в крови и молит о пощаде. А по ее лицу ползают крысы. Вот так. Хорошо. Так ей и надо. Собачье дерьмо с отпечатком подошвы посередине. Рулончик почерневших пистонов, что какой-то мальчишка долбил камнем. Окурки. Дать бы ей камнем по голове, большим булыжником. Всем им. Хорошо. Хорошо...

(христос-спаситель кроткий и нежный)

Да, маме хорошо говорить, ей не приходится из года в год каждый день ходить среди волков. Над ней не смеются, не издеваются, не указывают на нее пальцем... Но разве не говорила она, что грядет день Страшного суда (имя сей звезде будет полынь и из дыма выйдет саранча и дана будет ей власть какую имеют земные скорпионы) и ангел с мечом?

Вот бы этот день настал прямо сейчас, и Христос явился бы не с агнцем и пастушьим посохом, а с булыжником в каждой руке, чтобы крушить насмешников и мучителей, чтобы с корнем вырывать и уничтожать визжащее от страха зло – ужасный Христос, кровавый и праведный...

И вот бы стать ей Его мечом и Его правой рукой...

Кэрри изо всех сил старалась, чтобы ее приняли за свою. Сотни раз обманывала по мелочам маму, пытаясь стереть этот зачумленный красный круг, что появился вокруг нее с того самого дня, когда она в первый раз вырвалась из властвовавшего над ней мира маленького дома на Карлин-стрит и с Библией под мышкой явилась в начальную школу. Она все еще помнила тот день, колкие взгляды и жуткое, неожиданное молчание, когда она встала на колени перед ланчем в школьном кафетерии – в тот день начался смех, зловещее эхо которого не утихало все эти годы.

Красный зачумленный круг был как кровь – можно стирать, стирать и стирать, но след все равно остается. С тех пор Кэрри никогда не молилась на коленях в общественных местах, хотя мама об этом и не знала. Но в памяти – у нее и у них – тот день сохранился. А сколько нервов стоила ей поездка в летний христианский лагерь! Даже деньги она заработала тогда сама, шитьем на дому. И все это время мама с мрачным выражением лица твердила, что это грех, что там сплошные методисты, баптисты и конгрегационалисты, а это опять грех, грех, грех... Она запретила ей купаться. И хотя Кэрри все равно купалась и даже смеялась, когда ее топили целой компанией (до тех пор, пока в легких не осталось воздуха – а они снова и снова заталкивали ее в воду – и она, испугавшись, не начала кричать), и участвовала в любых лагерных мероприятиях, над «молельщицей Кэрри» постоянно издевались и подшучивали. Она уехала тогда за неделю до окончания смены, с красными, запавшими от слез глазами, и мама, встретив ее на автобусной станции, сурово сказала, что ей следует как зеницу ока хранить память о давешних материнских наставлениях – доказательство того, что мама все знает, что мама всегда права, что единственная надежда на покой и спасение лежит внутри красного круга.

– Потому что тесны врата[1 - «Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф. 7;14).], – добавила она строго в такси и, вернувшись домой, заперла Кэрри в чулане на шесть часов.

Разумеется, мама запрещала ей мыться с другими девушками в душевой, но Кэрри прятала купальные принадлежности в своем шкафчике и все равно мылась, принимая участие в этом постыдном и неприятном для нее ритуале обнаженности, в надежде на то, что красный круг хоть немного потускнеет...

(но сегодня-то сегодня)

По другой стороне улицы ехал на велосипеде пятилетний Томми Эрбтер, щуплый, вечно сосредоточенный мальчуган. Он давил на педали своего «Швинна» с ярко-красными боковыми колесиками и гудел вполголоса простенький рок-н-ролл, затем вдруг увидел Кэрри, посветлел лицом и высунул язык.

– Эй, старая-пердунья-молельщица-Кэрри!

Кэрри бросила на него полный ненависти взгляд. Велосипед закачался и неожиданно перевернулся. Оказавшись под велосипедом, Томми заплакал. Кэрри улыбнулась и пошла дальше. Вопли Томми казались ей сладкой, звонкой музыкой.

Вот бы уметь делать что-нибудь в таком же духе просто по желанию!

(а ведь она только что это сделала)

Кэрри остановилась как вкопанная за семь домов до своего, устремив пустой взгляд в никуда. Мальчишка позади хныкал, потирая расцарапанную коленку, затем снова сел на велосипед и крикнул что-то Кэрри вслед. Она даже не отреагировала: и не такое приходилось слышать.

Ведь она подумала тогда, вспоминала Кэрри:

(чтоб ты свалился чтоб ты свалился с этого чертова велосипеда и разбил свою гнилую башку)

И что-то в самом деле случилось.

Ее разум... как бы это сказать... на мгновение напрягся, что ли – не совсем точно, но близко. Мысли как будто налились твердостью, словно мышцы руки, поднимающей гантель... Тоже не очень точно, но другого сравнения на ум не приходило. Слабая такая рука с жиденькими детскими мускулами...

Раз!

Кэрри впиалась яростным взглядом в панорамное окно миссис Йоррати, успев при этом подумать:

(глупая мерзкая старая стерва окно разбейся)

Ничего. Панорамное окно миссис Йоррати, как и до того, безмятежно блестело в светлых лучах утреннего солнца. Живот снова свело болезненной судорогой, и Кэрри двинулась дальше.

Но...

Лампочка... И пепельница тоже...

Кэрри оглянулась

(старая стерва просто ненавидит маму)

через плечо. И вроде бы что-то в мозгу напряглось, но едва-едва. Ровное течение мыслей чуть подернулось рябью, словно булькнул где-то там подводный ключ.

Панорамное окно тоже затрепетало. Но не больше. Наверное, просто привиделось. Может быть.

Голова казалась теперь тяжелой, ватной, а где-то глубоко в мозгу зарождалась слабая пока, пульсирующая боль. Глаза жгло, словно она за один раз прочла весь Апокалипсис.

Кэрри шла вниз по улице к маленькому белому дому с голубыми ставнями, и в душе у нее вновь сгущалась привычная уже смесь ненависти, любви и страха. По западной стороне бунгало поднялись до самой крыши вьюнки (они всегда называли свой дом «бунгало», потому что «белый дом» звучало как политическая шутка, а мама говорила, что все политики – жулики и грешники, которые в конце концов продадут страну безбожникам-красным, а те всех верующих в Иисуса – даже католиков – поставят к стенке), и это было красиво – Кэрри знала, что красиво, но иногда просто ненавидела ползучие зеленые растения. Иногда ей казалось, как и сейчас, что это гротескная гигантская рука, испещренная огромными венами, которая выползла из земли, чтобы сцапать

дом. Кэрри невольно замедлила шаг.

И камни, вспомнилось вдруг ей, камни тоже были.

Она снова остановилась, растерянно моргая от яркого солнечного света. Камни. Мама никогда об этом не заговаривала, и Кэрри даже сомневалась, помнит ли она еще тот день, когда упали камни. Странно, что день сохранился в памяти у нее самой. Ей ведь было тогда совсем немного. Три года, кажется? Или четыре? Она увидела девушку в белом купальнике, а затем посыпались с неба камни. И по всему дому летали разные вещи... Воспоминания стали вдруг яркими и отчетливыми. Словно они таились совсем рядом, за тоненькой перегородкой, и ждали, когда Кэрри достигнет своего рода психической зрелости.

Ждали, может быть, сегодняшних событий.

Из статьи «Кэрри: черная заря телекинеза» («Эсквайр мэгэзин», 12 сентября 1980 г.), Джек Гейвер:

Стелла Хоран прожила в благоустроенном пригородном районе Парриш недалеко от Сан-Диего двенадцать лет, и внешне она – типичная «миссис Калифорния»: носит яркую одежду и дымчатые очки в оправе янтарного цвета; волосы – светлые с несколькими черными прядями; водит симпатичный «фольксваген» цвета бордо с изображением улыбки на крышке бензобака и зеленой экологической наклейкой на заднем стекле. Ее муж служит в парришском отделении «Бэнк оф Америка»; сын и дочь – типичные представители южнокалифорнийского загорелого племени постоянных обитателей пляжа. В небольшом аккуратном заднем двореке есть гриль, а мелодичный дверной звонок играет несколько тактов из припева «Хей, Джуд».

Однако где-то в душе у миссис Хоран все еще держится тонкий неизбывный налет Новой Англии, и, когда она говорит о Кэрри Уайт, лицо ее приобретает странное, мучительное выражение – что-то напоминающее скорее о книгах Лавкрафта, нежели о калифорнийских персонажах Керуака.

– Конечно, она была странная, – рассказывает Стелла Хоран, закуривая вторую сигарету сразу после первой. – Все это семейство было странное. Ральф работал на стройке, и люди говорили, что он всегда носит с собой Библию и револьвер 38-го калибра. Библию – для чтения во время перерывов, а револьвер – на тот случай, если встретит на работе Антихриста. Библию я и сама помню, а насчет револьвера – кто знает?.. Лицо у него было темное от загара, волосы всегда острижены очень коротко. И выглядел он довольно свирепо. Люди старались не встречаться с ним взглядом ни при каких обстоятельствах. Он так на всех смотрел, что казалось, глаза буквально горят. Увидишь его впереди и переходишь на другую сторону улицы... Никому из детей даже не приходило в голову показать ему язык, когда он проходит мимо. Такое вот он производил жуткое впечатление.

Она замолкает, выпуская струю дыма вверх к отделанным под красное дерево потолочным балкам. Стелла Хоран прожила на Карлин-стрит до двадцати лет и последние годы каждый день ездила на занятия в Левинскую школу бизнеса в Моттоне. Однако случай с камнями запомнился ей очень хорошо.

– Иногда, – говорит она, – у меня даже возникает вопрос, не вызвала ли я сама этот каменный град. Наши участки сходились задними дворами. Миссис Уайт посадила там зеленую изгородь, но к тому времени кустарник еще не вырос. Она не один раз звонила моей матери и скандалила по поводу «шоу», которое я якобы «устраивала» на заднем дворе. Хочу заметить, что купальник у меня был вполне приличный – даже скромный, по современным стандартам, – обычный старый купальник от Янтцена, но миссис Уайт постоянно разорялась, что это, мол, безобразие, потому что меня видит «ее крошка». Моя мать... она, конечно, старалась говорить с ней потактичнее, но у нее никогда не хватало терпения надолго. Не знаю уж, чем ее в очередной раз вывела из себя миссис Уайт – надо полагать, обозвала меня Вавилонской блудницей, – но моя мать заявила ей, что наш двор – это наш двор, и если нам так захочется, я могу тут хоть голышом танцевать. Кроме того, обозвала ее грязной старухой, у которой вместо головы банка червей. Короче, крику было много, но суть дела я уже рассказала.

Я решила, что не буду больше загорать там: не люблю скандалов. Но мама – она, если заведется, это сущий кошмар. Как-то раз она отправилась в супермаркет и купила маленькое белое бикини. Сказала, что я с таким же успехом могу загорать и в нем. Мол, это наш двор, и никого не касается, что мы тут делаем.

Стелла Хоран улыбается при этом воспоминании и гасит сигарету.

– Я пыталась с ней спорить, говорила, что не хочу быть пешкой в их склоке, но все без толку. Если уж ей что вступит в голову, то остановить ее так же невозможно, как дизельный грузовик, когда его без тормозов несет под гору. Но дело было даже не в этом. Сказать по правде, я просто боялась Уайтов. Настоящие психи, сдвинутые на религии, – тут, знаете, не до шуток. Ральфа Уайта, конечно, уже не было, но вдруг у Маргарет еще остался его револьвер?..

Однако в то воскресенье я все же постелила на заднем дворе одеяло, намазалась маслом для загара и улеглась, включив радио, как раз передавали «Сорок лучших песен». Мама эту музыку просто ненавидела и обычно кричала мне, чтобы я убрала звук, «пока она не рехнулась». Но в тот день она сама дважды прибавляла громкость, и я уже в самом деле начала чувствовать себя Вавилонской блудницей.

Тем не менее из дома Уайтов никто не выходил. Даже хозяйка не показывалась развесить на веревках белье... Вот, кстати, еще один штрих: она никогда не вывешивала на улице нижнее белье. Не только свое, но и Кэрри, хотя ей было всего три года. Исключительно в доме.

Я немного успокоилась и решила, что Маргарет, может быть, увела Кэрри куда-нибудь в парк – помолиться на природе или что-нибудь еще в таком духе. Короче, спустя какое-то время я перевернулась на спину, закрыла глаза рукой и задремала. А когда проснулась, рядом, разглядывая меня в упор, стояла Кэрри.

Миссис Хоран умолкает, глядя куда-то в пространство. Снаружи бесконечной чередой проносятся машины. Я слышу тонкое гудение моего репортерского магнитофона. Но все это кажется лишь хрупкой, тонкой оболочкой другого, мрачного мира – настоящего мира, где и зарождаются кошмары.

– Она была такая лапушка, – продолжает Стелла Хоран, закуривая. – Я видела ее школьные фотографии и то ужасное, расплывчатое черно-белое фото на обложке «Ньюсуика». Помню, смотрела на них и думала: «Боже, куда же она исчезла? Что с ней сделала эта женщина?» Странное какое-то чувство возникало: и страх, и жалость... Такая милая была девчушка – розовые щечки, яркие карие глаза, волосы светлые, только видно, что они потом потемнеют. Одно слово – лапушка. Милая, умница, совершенно неиспорченная. Видимо, тогда отравляющее душу влияние ее матери еще не проникло так глубоко.

Я чуть приподнялась от неожиданности и попыталась улыбнуться. Никак не могла сообразить, как поступить. Меня здорово разморило, и голова совершенно не работала. Потом просто взяла и сказала: «Привет». На ней было желтое платье, довольно симпатичное, только очень уж длинное для маленькой девочки, да еще летом – оно ей чуть не до лодыжек доходило.

Кэрри не улыбнулась в ответ, а, указав на меня пальцем, спросила:

– Это что?

Я поглядела на себя и увидела, что, пока спала, лифчик совсем сполз. Я его поправила и ответила:

– Это моя грудь, Кэрри.

А она на полном серьезе:

– Я тоже такую хочу.

– Подожди немного, Кэрри, – объяснила я ей. – Лет через восемь-девять и у тебя появится...

– Нет, не появится. Мама сказала, что у хороших девочек ее не бывает. – Она очень странно выглядела, когда это говорила, странно для маленькой девочки: как-то печально и в то же время самодовольно.

Я даже ушам своим не поверила и выпалила первое же, что пришло мне в голову:

– Но я тоже хорошая девочка. Да и у твоей мамы есть грудь.

Кэрри опустила голову и сказала что-то так тихо, что я даже не расслышала. А когда попросила ее повторить, она посмотрела на меня как-то с вызовом и сказала, что, мол, мама была плохая, когда ее сделала, и поэтому, мол, у нее есть грудь – «мерзостные подушки», она сказала, только как бы в одно слово.

Мне с трудом верилось, что такое может быть. Я была потрясена и даже ничего не могла сказать в ответ. Мы только смотрели друг на друга молча, и больше всего в тот момент мне хотелось схватить эту маленькую несчастную девчонку и унести куда-нибудь далеко-далеко.

Но тут из кухонной двери появилась Маргарет Уайт и увидела нас вместе.

Наверное, с минуту она просто пялилась на нас, не веря своим глазам. Затем открыла рот и завопила. Ничего отвратительнее я за всю свою жизнь не слышала – словно самец-аллигатор в болоте. Она именно вопила. Ярость, неприкрытая, бешеная ярость. Лицо у нее стало красным, как пожарная машина, руки сжались в кулаки – она вся тряслась и, задрвав голову в небо, вопила что есть сил. Я думала, ее удар хватит, честное слово: ее аж всю перекосило, а лицо стало как у мегеры.

А Кэрри... та перепугалась до смерти, только что в обморок не упала, вся сжалась и буквально позеленела.

Тут ее мать как заорет:

– КЭЭРРРРРРРРИИИИ!

Я вскочила и тоже закричала: «Ну-ка не смейте на нее орать! Как вам не стыдно!» В общем, какую-то ерунду в таком духе. Не помню точно. Кэрри пошла назад, потом остановилась, сделала еще несколько шагов, и в тот момент, когда переходила с нашей лужайки на свою, она обернулась и посмотрела на меня... Этот взгляд... Просто ужасно... Я не могу передать, что в нем прочла. И тягу, и ненависть, и страх... и горе. Слово сама жизнь обрушилась на нее, подобно каменному граду, – и это в три-то года.

Тут на заднее крыльцо вышла моя мать, и при виде девочки лицо у нее будто сникло. А Маргарет... та продолжала кричать что-то про шлюх, про блудниц, про грехи отцов, что падут на детей аж до седьмого колена... Я просто дар речи потеряла, язык стал как сухой лист.

Всего секунду, наверно, Кэрри стояла в нерешительности на границе двух участков, затем Маргарет Уайт глянула вверх, и, Богом клянусь, она залаяла на небо. Именно залаяла. А потом вдруг принялась... истязать себя, что ли. Она

впивалась пальцами себе в щеки и в шею, оставляя красные полосы и царапины, и раздирала на себе одежду.

Кэрри вскрикнула: «Мама!» – и бросилась к ней.

Миссис Уайт присела как-то по-лягушачьи и развела руки в стороны. Я думала, она ее раздавит, и невольно закричала. А Маргарет Уайт только улыбалась. Улыбалась и пускала слюни, которые текли по подбородку... Боже, как это противно!

Она схватила Кэрри в охапку, и они скрылись за дверью. Я выключила радиоприемник, и нам было их слышно. Не все, конечно, отдельные слова, но мы и так понимали, что происходит. Молитвы, всхлипы, вопли – безумие какое-то. Затем Маргарет велела Кэрри забираться в чулан и молиться. Девочка плакала, кричала, что она не нарочно, что больше не будет... А затем тишина. Мы с мамой переглянулись, и я могу сказать, что никогда не видела ее в таком состоянии, даже когда умер папа. Она только сказала: «Бедный ребенок...», и все. Потом мы тоже пошли в дом.

Стелла Хоран встает и подходит к окну – привлекательная женщина в желтом сарафане с открытой спиной.

– Знаете, я как будто переживаю те события заново, – говорит она, поворачиваясь. – У меня внутри все просто кипит. – Она обнимает себя руками, словно ей стало холодно, и невесело усмехается. – Да, она была такая милая. Глядя на эти фотографии, никогда не скажешь...

За окном по-прежнему спешат куда-то машины, а я сижу и жду, когда она продолжит рассказ. В этот момент она напоминает мне прыгуна с шестом, который глядит на планку и раздумывает, не слишком ли высоко ее поставили.

– Мама заварила шотландский чай, крепкий, с молоком – вроде того, как она всегда заваривала, когда я еще девчонкой залезала в крапиву или расшибалась, падая с велосипеда. Ужасное варево, но мы пили, сидя друг напротив друга на кухне, – она в каком-то старом домашнем платье с разошедшемся на спине швом, а я в своем бикини Вавилонской блудницы. Мне хотелось плакать, но все это было слишком жизненно, не так, как в кино. Однажды, когда я ездила в Нью-Йорк, я видела, как старый пьяница тащит по улице за руку маленькую девочку

в голубом платье. Она так плакала, что у нее кровь шла носом. У старика был зуб, и шея – будто велосипедная камера. Огромная красная шишка на лбу, прямо посередине, а на синем пиджаке из саржи длинная белая полоса. Но все торопливо шли мимо, потому что, если не обращать внимания, они скоро скроются из вида. Тоже очень жизненно.

Я хотела сказать об этом матери и только открыла рот, как случилось то, другое событие – то самое, которое вас, видимо, и интересует. Снаружи что-то бухнуло в землю, да так, что зазвенела посуда в буфете – не просто звук, а еще и ощущение удара, словно кто-то спихнул с крыши тяжелый металлический сейф.

Она закуривает новую сигарету и несколько раз быстро затягивается.

– Я подошла к окну и выглянула на улицу, но ничего особенного не увидела. И только когда уже собралась вернуться к столу, с неба упало что-то еще. Что-то блестящее. Я в первое мгновение подумала, что это большой круглый кусок стекла. Он ударился о край крыши Уайтов и разлетелся на мелкие осколки, только это было вовсе не стекло, а большая глыба льда. Я хотела повернуться, сказать об этом маме, и тут они посыпались прямо как град.

Глыбы падали на крышу Уайтов, на задний двор, на лужайку перед домом, на наружную дверь в погреб. Эта дверь была сделана из листового железа, и, когда по ней ударила первая глыба, раздался такой низкий звон, словно звук церковного колокола. Мы с мамой даже вскрикнули одновременно и прижались друг к другу, словно две маленькие девчонки во время грозы.

А потом вдруг все кончилось. Из дома напротив не доносилось ни звука. Я видела, как тают на солнце осколки льда и стекает по черепице вода. Огромный кусок льда застрял между скатом крыши и невысокой трубой. Солнце блестело так ярко, отражаясь в этой глыбе льда, что больно было смотреть.

Мама хотела спросить, кончился ли этот кошмар, но тут дико закричала Маргарет – мы очень хорошо слышали ее крик, и на этот раз впечатление было еще хуже, потому что в нем чувствовался неприкрытый ужас. А затем до нас донесся звон и звуки ударов, как будто она швыряла в девочку всей домашней утварью.

Дверь на заднем крыльце в доме Уайтов открылась, ударившись о стену, и так же громко захлопнулась, но никто не вышел, только крику прибавилось. Мама сказала, чтобы я позвонила в полицию, но я не могла сдвинуться с места. Просто застыла. Потом вышла на свою лужайку поглядеть, что происходит. Мистер Кирк и его жена Вирджиния тоже вышли. И Смиты. Вскоре выбрались на улицу почти все, кто был в то время дома, даже старая миссис Уорвик, что живет за квартал от нас, а она на одно ухо совсем глухая.

Тут начался жуткий звон бьющейся посуды. Бутылки там, стаканы, не знаю, что еще. А затем разлетелось боковое окно, и оттуда наполовину вывалился кухонный стол. Богом клянусь! Большой ореховый стол – он, должно быть, фунтов триста весил. Ну как, скажите, могла женщина – даже крупная женщина – такое вытворить?

Я тут же спрашиваю ее, что она имеет в виду.

– Я ведь просто рассказываю вам, что произошло, – отвечает миссис Хоран почему-то расстроенным тоном. – Никто не просит вас верить мне на слово...

Она немного переводит дух и продолжает уже спокойно:

– Потом минут пять все было тихо. С водостоков на крыше капала вода, а по всему двору Уайтов валялись глыбы льда. Но они очень быстро таяли.

Миссис Хоран сдержанно смеется и гасит сигарету.

– Впрочем, почему бы и нет? Ведь на дворе был август.

Она подходит в задумчивости к софе, затем останавливается и возвращается.

– А потом посыпались камни. Прямо с неба. Они падали с жутким воем – как бомбы. Мама вскрикнула: «Боже, да что же это?» – и закрыла голову руками. Но я даже не могла пошевелинуться. Все видели, и все не могли сдвинуться с места. Впрочем, это не имело значения: камни падали только на участок Уайтов.

Один камень ударился в водосток, и огромная железяка рухнула на лужайку. Другие наделали дыр в крыше. При каждом попадании в черепицу раздавался

громкий сухой треск и взлетали маленькие облачка пыли. А от тех, что падали на землю, все кругом вздрагивало. Я просто ногами чувствовала эти удары.

Посуда в буфете позвякивала, кухонный шкаф тоже дрожал, а мамина чайная чашка свалилась со стола и разбилась.

Камни, когда падали на землю, оставляли большие ямы. Кратеры даже. Миссис Уайт наняла потом старьевщика с другого конца города, чтобы тот вывез камни, а Джерри Смит с нашей улицы дал ему доллар и отколол кусочек. Отвез его в Бангорский университет, но они посмотрели и сказали, что это обыкновенный гранит.

Один из последних булыжников попал в маленький садовый столик, что стоял у них на заднем дворе, и разнес его в щепки.

Но что интересно, за пределами их участка совершенно ничего не пострадало.

Миссис Хоран умолкает и, повернувшись от окна, глядит на меня. По ее лицу видно, как сильно взволновали ее эти мучительные воспоминания. Одной рукой она нервно тербит модную «взлохмаченную» прическу.

– В местной газете была совсем маленькая заметка об этом случае. К тому времени, когда появился Билли Харрис – он освещал чемберленские новости, – Маргарет Уайт уже наняла людей починить крышу. Ему говорили, что камни пробивали крышу насквозь, но он, должно быть, решил, что мы все его разыгрываем.

Никто не хочет верить в это, даже сейчас. И вы, и те люди, что будут читать вашу статью, с огромным удовольствием посмеялись бы над описанным и сказали бы, что я – просто еще одна истеричка, которая перегрелась на солнце. Но это и в самом деле было. Множество людей с нашей улицы видели все своими глазами, и события, о которых я говорила, так же реальны, как тот алкоголик, что тащил за руку маленькую девочку с раскровавленным носом. А теперь еще вот это случилось. И уже никто не смеется, потому что слишком много погибло людей. Теперь это случилось не только на участке Уайтов.

Миссис Хоран улыбается, но в ее улыбке нет ни капли веселости.

– Ральф Уайт был застрахован, и, когда он погиб, Маргарет получила по страховке кругленькую сумму. Дом он тоже в свое время застраховал, но тут она не получила ни цента, поскольку повреждения были вызваны «волей Господней». Не правда ли, в этом есть какая-то поэтическая справедливость?

Миссис Хоран смеется, но и в смехе ее тоже не чувствуется веселья...

Запись, повторяющаяся несколько раз в дневнике Кэрри Уайт:

Благословенье не придет,

Пока ребенок не поймет,

Что надо быть как все.

Кэрри вошла в дом и закрыла за собой дверь. Яркий солнечный день исчез, сменившись коричневыми тенями, прохладой и всепроникающим запахом талька. Единственный звук в доме – тиканье старых часов с кукушкой в гостиной. Мама купила их в свое время на благотворительные купоны. Как-то в шестом классе Кэрри хотела спросить ее, не грех ли это, но так и не решилась.

Она прошла в прихожую и повесила пальто в шкаф. Над крючками для одежды висела светящаяся картина, где изображался призрачный Христос, парящий над семьей за кухонным столом. Надпись внизу (тоже светящаяся) гласила: «Незримое присутствие».

В гостиной Кэрри остановилась в центре поблекшего, местами вытертого почти до основы ковра и закрыла глаза, наблюдая за крохотными точками, мелькающими в темноте. В висках так стучало, что Кэрри чуть не выворачивало наизнанку.

Одна.

Мама работала на скоростной гладильной машине в прачечной «Голубая лента», что располагалась в районе Чемберлен-центр. Работала она там с тех пор, как Кэрри исполнилось пять, потому что к тому времени деньги, выплаченные по страховке за смерть мужа, подошли к концу. Смена ее начиналась в семь тридцать и заканчивалась в четыре пополудни. Мама постоянно повторяла, что прачечная – это безбожное место, а самый главный безбожник там – управляющий Элтон Мотт. По словам мамы, для Элты, как его называли в «Голубой ленте», Сатана приготовил в аду особый голубой угол.

Одна.

Кэрри открыла глаза. В гостиной стояли два кресла с прямыми спинками. У стены, под лампой, притулился стол для шитья, где иногда вечерами Кэрри шила платья, пока мама взяла салфетки и рассуждала о втором пришествии. На противоположной стене висели часы с кукушкой.

В этой комнате тоже было много религиозных картин, но больше всего Кэрри нравилась висевшая над ее креслом. На ней изображался Иисус, который ведет агнцев по холму, такому же гладкому и зеленому, как поле для гольфа в Риверсайде. Другим картинам не доставало ощущения покоя: то Иисус изгоняет торговцев из храма, то Моисей обрушивает на поклоняющихся золотому тельцу каменные скрижали, то Фома Неверующий прикладывает руку к ране на боку Христа (о, ужасное очарование этой картины и ночные кошмары, преследовавшие ее в детстве), то Ноев ковчег над тонущими в волнах грешниками, то Лот со своей семьей, спасающийся перед великим сожжением Содомы и Гоморры.

На маленьком столике стояла лампа, под которой лежала стопка религиозных брошюр. На обложке самой верхней изображался грешник (его духовный статус не вызывал сомнений – лицо человека было искажено мучительной гримасой), пытающийся залезть под огромный валун. Заголовок гласил: «И не скроет его В ТОТ ДЕНЬ даже камень!»

Но самой главной чертой убранства комнаты, сразу притягивающей взгляд, служило огромное гипсовое распятие высотой фута в четыре на дальней стене. Мама заказала его по почте аж из самого Сан-Луиса. Приколотый к кресту Иисус застыл со сведенными словно болезненной судорогой мышцами и раскрытым в мучительном стоне ртом. Из-под тернового венца сбегали по вискам и лбу алые ручейки крови. Глаза закатились вверх – типичная для всех средневековых

изображений маска агонии. Обе руки у него были в крови, а ноги приколочены к маленькой гипсовой перекладине. В детстве это изображение Христа постоянно вызывало у Кэрри кошмары, в которых искалеченный Иисус носился за ней по коридорам сна с молотком и гвоздями в руках, умоляя принять свой крест и последовать за ним. Лишь совсем недавно эти сны трансформировались во что-то менее понятное, но гораздо более зловещее. Казалось, он хочет не убить ее, а сделать что-то еще более ужасное.

Одна.

Боль внизу живота чуть отпустила. Кэрри уже не думала, что умрет от кровотечения. Слово «менструация» вдруг сделало все логичным и неизбежным. Это просто ее «месячные». Кэрри испуганно хихикнула в настороженной тишине комнаты. Слово почему-то ассоциировалось у нее с дурацкими телевикторинами: «Ваш шанс! В этом месяце вы можете выиграть бесплатную поездку на Бермуды!» Подобно воспоминанию о каменном граде, сведения о менструальном цикле, похоже, давно хранились у нее в памяти, только притаились и ждали своего часа.

Кэрри повернулась и, тяжело ступая, двинулась вверх по лестнице. Деревянный пол в ванной комнате был выскоблен чуть ли не до белизны («Чистота сродни святости»), а у стены стояла большая ванна на литых когтистых лапах. Из хромированного крана капало, и на эмалированной поверхности ванны давно уже образовался длинный ржавый потек. Душа у них не было: мама говорила, что это грех.

Открыв шкафчик для полотенец, Кэрри принялась перебирать его содержимое – целенаправленно, но аккуратно, возвращая все на свои места, чтобы мама ничего не заметила.

Синяя коробочка оказалась в самой глубине шкафа, между старыми полотенцами, которыми они больше не пользовались. На коробке было размытое изображение женщины в длинной просвечивающей ночной рубашке.

Кэрри достала салфетку и взглянула на нее с интересом. Она часто вытирала такими же помаду, что носила с собой в сумочке, – один раз даже на улице. И теперь ей вспомнились (или показалось, что вспомнились) удивленные, шокированные взгляды. Лицо ее запылало. И ведь они действительно говорили

ей что-то. Стыд тут же сменился раздражением и обидой, щеки побелели.

Она прошла в свою крохотную спальню. Тут было еще больше религиозных картин, только в основном с агнцами, а не со сценами праведного гнева. Над комодом висел вымпел Ювинской школы. На самом комодe – Библия и светящийся в темноте пластиковый Христос.

Кэрри принялась раздеваться – сначала кофточку, затем ненавистную юбку ниже колен, комбинацию, пояс, чулки. Куча тяжелой одежды с пуговицами и резинками вызывала у нее чувство отвращения. На полке в школьной библиотеке лежала целая стопка старых номеров «Семнадцатилетней», и Кэрри часто перелистывала эти журналы, старательно храня на лице выражение идиотского спокойствия. Манекенщицы в своих коротеньких юбчонках, колготках и нижнем белье с рисунками и кружевами выглядели так легко и естественно, но именно этим словом – легкие, то есть доступные – мама называла их. И разумеется, Кэрри знала, каков будет мамин ответ, если она когда-нибудь заикнется о чем-то подобном. Кроме того, она понимала, что в таком белье ей будет далеко до естественности. Голая, греховно-голая, очерненная грехом эксгибиционизма, и каждое дуновение ветерка, ласкающего ноги, вызывает греховную похоть. Конечно же, им не составит труда догадаться, как она себя чувствует. Они всегда понимали. И они опять что-нибудь придумают, унизят ее, обсмеют грубо, бесчеловечно затолкают обратно в отведенную для нее, словно для шута, нишу.

Она знала, что достойна

(чего)

другого места. Да, она немного полновата в талии, но иногда ей становилось так паршиво, одиноко и тоскливо, что единственным способом заполнить эту зияющую заунывную пустоту было есть, есть и есть. Впрочем, и не настолько уж она полна. Организм сам не позволял ей перейти определенный предел. А ноги даже красивые, ничуть не хуже, чем у Сью Снелл или Викки Хэнском. Она могла бы

(что что что)

могла бы перестать есть шоколад, и тогда прыщи обязательно пропадут. Непременно. А еще она могла бы сделать прическу. Купить колготки и зеленые или синие обтягивающие рейтузы. Нашить себе коротеньких юбочнок и платьев. Стоит-то это всего ничего. Она могла бы, могла бы...

Жить!

Кэрри расстегнула тяжелый хлопчатобумажный лифчик и уронила его на пол. Гладкие, молочно-белые, твердые груди со светло-кофейными сосками. Она притронулась к ним ладонями, и ее охватила дрожь. Зло, грех. Мама не раз говорила ей про Нечто. Опасное, древнее, невыразимо греховное Нечто. Нечто, которое может сделать ее Слабой. «Остерегайся, – говорила мама. – Оно является по ночам и заставляет думать о грехах, творящихся на автостоянках и в придорожных мотелях».

Но хотя времени было всего девять двадцать утра, Кэрри поняла, что к ней пришло то самое Нечто. Она снова погладила руками груди,

(мерзостные подушки)

прохладные на ощупь, но соски горячие и твердые, и, сжав их пальцами, Кэрри почувствовала, как слабеет и словно растворяется. Да, да, это то самое Нечто.

Трусы оказались в пятнах крови.

Кэрри вдруг подумала, что она должна расплакаться, закричать, вырвать из себя это Нечто и раздавить, растоптать, убить его.

Салфетка, которую положила ей мисс Дежардин, уже промокла, и Кэрри аккуратно пристроила на место новую – она знала, что поступает скверно, и они все тоже поступают скверно, и в душе у нее закипала ненависть к ним и к себе. Одна только мама – хорошая. Мама сражалась с Черным Человеком и победила его. Кэрри видела это однажды во сне. Мама выгнала его шваброй через дверь. Черный Человек бросился по Карлин-стрит, высекая искры из мостовой своими раздвоенными копытами, и скрылся в ночи.

Мама вырвала из себя это Нечто и осталась чиста.

Но как же Кэрри ее ненавидела!

Она поймала свое отражение в крохотном зеркальце на двери – маленькое зеркальце в дешевой зеленой оправе из пластика, с ним только причесываться и получалось.

Кэрри ненавидела свое лицо – блеклое, тупое, глуповатое; бесцветные глаза, красные блестящие прыщи, россыпи угрей.

Ни с того ни с сего отражение вдруг расколосось надвое ломаной серебристой трещиной. Зеркало упало на пол и разлетелось у ног Кэрри вдребезги. На двери осталось только пластиковое кольцо оправы – словно вперившийся в нее слепой глаз.

* * *

Из «Словаря психических явлений» под редакцией Огилви:

Телекинез – способность перемещать предметы либо вызывать изменения в предметах усилием мысли. Феномен нередко проявляется в различных кризисных или стрессовых ситуациях. Известны случаи, когда над придавленными телами левитировали автомобили или поднимались в воздух обломки рухнувших зданий.

Явление часто путают с действием полтергейстов, что означает «игривые духи». Надо заметить, что полтергейсты – это астральные создания, существование которых по-прежнему не доказано, в то время как телекинез считается проявлением деятельности мозга, имеющим, возможно, электрохимическую природу...

Когда игры на заднем сиденье «форда» модели 63-го года, что принадлежал Томми Россу, закончились и Сью Снелл неторопливо приводила свою одежду в порядок, ее мысли снова вернулись к Кэрри Уайт.

Наступил вечер пятницы, и Томми (сидя со спущенными штанами, он все еще глядел задумчиво в заднее окно – картина одновременно и комичная, и как-то странно умилительная) пригласил ее в боулинг. Разумеется, для них обоих это было лишь предлогом; ни о чем другом, кроме секса, они и не думали.

Сью встречалась с Томми более или менее постоянно еще с октября (шел май), но близки они были всего две недели. Семь раз, поправила она себя. Сегодня – седьмой. Пока еще не бог весть какой праздник, но что-то все-таки уже получается.

В первый раз было ужасно больно. Ее самые близкие подружки, Элен Шайрс и Джин Голт, уже делали Это, и обе уверяли, что больно будет лишь чуть-чуть – как укол, – а потом, мол, начнется сплошной рай. Однако в первый раз Сью чувствовала себя так, словно ее пробивают рукояткой мотыги. Позже Томми признался немного смущенно, что неправильно надел резинку.

Сегодня она лишь во второй раз начала ощущать нечто похожее на удовольствие, но тут все кончилось. Томми держался как мог, но потом вдруг раз... и все кончилось. В общем, много суеты, а тепла всего ничего.

После ее охватила грусть, и в таком вот настроении вспомнилась Кэрри. Волна стыда накрыла ее именно в тот момент, когда душа осталась без привычной защиты, и, оторвавшись от вида на Брикъярд-Хилл, Томми обнаружил, что она плачет.

– Эй, – произнес он встревоженно и неуклюже обнял. – Эй, ты что?

– Ничего, все в порядке, – сказала она, всхлипывая. – Это не из-за тебя. Просто я сегодня сделала что-то не очень хорошее и вдруг об этом вспомнила.

– Что такое? – спросил он, нежно поглаживая ее шею.

Неожиданно для себя Сью пустилась рассказывать ему об утреннем происшествии, и ей с трудом верилось, что это говорит она сама. Если уж смотреть фактам в лицо, она позволила Томми сделать это, потому что

(влюблена в него? увлечена? Не важно – результат тот же самый)

и рассказывать ему о том, как она участвовала утром в гадком издевательствах, едва ли лучший способ привязать к себе парня. А Томми, помимо всего прочего, популярен. Она сама всю жизнь жила с этим определением, и ей практически предначертано было влюбиться в кого-то столь же популярного. Их почти наверняка выберут королем и королевой выпускного бала, а старший класс уже назначил их «лучшей парой» для школьного ежегодника. Они стали чем-то вроде неизменно светящейся звезды на изменчивом небосклоне школьных взаимоотношений, общепризнанными Ромео и Джульеттой. И почему-то ей вдруг подумалось в порыве горечи и презрения, что в каждой средней школе каждого провинциального городка белой Америки есть точно такая же пара, как они.

Заполучив то, о чем она всегда мечтала – ощущение принадлежности, уверенности, статуса, – Сью обнаружила, что вместе с ним, словно противная, пугающая родственница приходит тревога. Она совсем не так все это себе представляла. Оказывается, за их теплым, уютным кругом света топчутся какие-то темные тени. Например, мысли о том, что она позволила ему вы...ть ее

(тебе непременно нужно сказать об этом такими словами да сейчас нужно)

просто потому, что он популярен. Или тот факт, что им удобно ходить в обнимку. Или то, что, глядя на их отражение в витрине, она может думать: «Вот идет красивая пара». Сью была уверена,

(или только надеялась?)

что у нее хватит сил не поддаться безвольно благодушным ожиданиям родителей, друзей и даже своим собственным. Но вот сегодня случилась эта чертовщина в душевой, и она участвовала наравне со всеми и вместе со всеми кричала – визгливо, жестоко, радостно. Фраза, которой она старательно избегала – Быть Как Все, в инфинитиве, – рождала в воображении множество жалких картин: волосы в бигуди или долгие часы за гладильной доской перед бестолково мелькающей в телевизоре рекламой, пока муженек «надрывается» в каком-то безликом офисе; вступление в Ассоциацию родителей и преподавателей, а затем, когда доход вырастет до солидной пятизначной суммы, в загородный клуб; бесконечные пилюли в желтых круглых оболочках, чтобы как можно дольше сохранить прежние девичьи размеры и как можно дольше уберечься от вторжения маленьких противных чужаков, которые гадят в ползунки и истошно зовут на помощь в два часа ночи; отчаянная борьба за Чистый Город без ниггеров, плечом к плечу с Терри Смит (Мисс Картофельный

Цвет-75) и Викки Джонс (вице-президент Женской лиги) с плакатами, петициями и слегка усталыми улыбками...

Кэрри, чертова Кэрри, все из-за нее. Может быть, раньше до Сью и доносились далекие, слабые отзвуки шагов за их освещенным кругом, но сегодня, прослушав свой собственный неуютный рассказ о подлости, она увидела вдруг все эти тени и их желтые глаза, светящиеся, как фонари в ночи.

Она уже купила себе платье для выпускного бала. Голубое. И очень красивое.

- Ты права, - сказал Томми, когда Сью закончила рассказ. - Ничего хорошего тут нет. Совсем на тебя не похоже. - Лицо его хранило суровое выражение, и Сью почувствовала прикосновение холодного страха. Но тут он улыбнулся - улыбался Томми всегда очень радостно, - и тьма чуть отступила.

- Я как-то врезал одному парню, когда он лежал без сознания. Я тебе никогда об этом не рассказывал?

Сью покачала головой.

- Да, было такое дело. - Томми в задумчивости потер переносицу, и его щека чуть дернулась - так же, как в тот раз, когда он признался, что неправильно надел резинку. - Его звали Денни Патрик. Когда мы учились в шестом классе, он меня здорово отлупил. Я его ненавидел, но и боялся тоже. Поджидал удобного случая. Знаешь, как это?

Она не очень поняла, но все равно кивнула.

- Короче, год или два спустя он нарвался. Полез не на того парня. Был у нас такой Пит Табер. Маленький, но здоровый как черт. Денни к нему из-за чего-то прицепился - я уж не помню, может, из-за стеклянных шариков или еще из-за чего-то. Тот терпел-терпел, потом все-таки не выдержал и вздул его. Прямо на игровой площадке в начальной школе. Денни упал, ударился головой и отключился. Все убежали - мы подумали, что он, может, умер. Я тоже убежал, но сначала двинул ему ногой по ребрам. Потом было очень стыдно... Ты собираешься извиниться перед ней?

Вопрос застал Сью врасплох, и она лишь спросила слабым голосом:

– А ты извинился?

– А? Боже, нет, конечно. Но тут другое дело, Сюзи.

– Ты так считаешь?

– Во-первых, мы уже не в седьмом классе. И у меня все-таки были какие-то причины, пусть даже это паршивое оправдание. Но что тебе сделала эта несчастная дура?

Сью не ответила, потому что сказать было нечего. За всю свою жизнь она обменялась с Кэрри, дай бог, сотней слов, и десятка три из них произнесла сегодня. После начальной школы физкультурные занятия были единственным местом, где они встречались: Кэрри шла по курсу делопроизводства, а Сью, разумеется, готовилась к колледжу.

Ни с того ни с сего она вдруг почувствовала к себе отвращение. Это было невыносимо, и Сью накинулась на Томми:

– С каких это пор ты стал такой правильный? С тех пор как начал меня трахать?

Улыбка на его лице медленно растаяла, и Сью тут же пожалела о своих словах.

– Видимо, мне следовало промолчать, – сказал Томми и принялся натягивать брюки.

– Извини, это мне не следовало ничего говорить. – Она погладила его по руке. – Мне просто стыдно, понимаешь?

– Понимаю. Но лучше бы я оставил свои советы при себе. У меня это не очень здорово получается.

– Томми, тебе никогда не бывает противна эта... эта твоя популярность?

– Мне? – Вопрос явно удивил его. – Ты имеешь в виду, что я в футбол играю, и президент класса, и все такое?

– Да.

– Нет. Это просто не бог весть как для меня важно. Школа вообще не самое важное в жизни. Пока ты учишься, кажется, что да, это здорово, но потом никто даже не вспоминает о таких вещах, разве что когда соберутся вместе и нальются пивом. Во всяком случае, я вижу, как это у моего старшего брата и его друзей.

Сью не стало легче. Наоборот, ее страх даже усилился. Вот она, маленькая Сью из Ювинской школы, главный цветок из всего цветника. Платье для выпускного бала навечно повешено в шкафу в полиэтиленовом чехле...

Ночь сгущала тьму за чуть запотевшими окнами машины.

– Наверное, все кончится тем, что я стану работать у отца в авторемонтной мастерской, – сказал Томми. – По вечерам в пятницу и в субботу буду наливаться пивом в «Дяде Билли» или в «Кавальере» и вспоминать, как я перехватил передачу от Сандерса и мы победили Дорчестер. Женюсь на какой-нибудь зануде, буду вечно голосовать за демократов, и всю жизнь у меня будет прошлогодняя модель...

– Не надо, – остановила его Сью, почувствовав вдруг во рту привкус темного сладковатого ужаса, и потянула Томми к себе. – Люби меня. Я сама не знаю, что со мной сегодня. Люби меня. Люби меня.

Что он и сделал, и на этот раз все вышло по-другому. На этот раз казалось, что ничего им не мешает, не было бестолковой возни, и ровный восхитительный ритм уносил их все выше и выше. Томми дважды, тяжело дыша, останавливался, чтобы сдержаться, затем продолжал

(до меня у него никого не было и он признался в этом хотя я бы поверила если бы он солгал) и продолжал в полную силу; ее дыхание стало неровным, судорожным, затем она начала вскрикивать, крепко обнимая его за спину и не в силах остановиться; накатил жар, и все дурные предчувствия исчезли; каждая ее клеточка словно достигла своего оргазма, и все тело наполнил яркий

солнечный свет, в мозгу зазвучала музыка и замельтешили разноцветные бабочки...

Позже, по дороге домой, он спросил, не согласится ли она пойти с ним на выпускной бал. Сью сказала, что пойдет. Потом он спросил, решила ли она, как поступить с Кэрри. Нет, не решила. Томми сказал, что это не важно, но Сью так не думала. Ей вдруг начало казаться, что это предельно важно.

Из статьи «Телекинез: анализ событий и последствия» («Научный ежегодник», 1982), Дин К. Л. Макгаффин:

Разумеется, даже сейчас есть ученые – и, к сожалению, сотрудники Дьюкского университета тут в первых рядах, – которые отрицают невероятные заключения, вытекающие из истории Кэрри Уайт. Подобно приверженцам теории «плоской Земли», розенкрейцерам или последователям Корли в Аризоне, которые убеждены, что атомная бомба просто не может сработать, эти несчастные смотрят в лицо фактам, уткнув голову в песок – и я прошу прощения за столь необычную метафору.

Конечно же, можно понять оцепенение, охватившее научные круги, гневные голоса, рассерженные письма и споры на научных конференциях. Научное сообщество даже самую идею телекинеза проглотило с трудом – еще бы, тут вам и спириты, и медиумы, и столоверчение, и парящие над головой диадемы – все словно из фильмов ужасов. Но понимание не извиняет безответственности в науке.

Исход дела Кэрри Уайт вызывает к жизни сложные и пугающие вопросы. Наши представления о том, как должен вести себя реальный мир, словно встряхнуло землетрясением. И можно ли судить, скажем, такого прославленного физика, как Джеральд Люпоне, который, даже ознакомившись с массой убедительных доказательств, представленных комиссией по делу Кэриетты Уайт, по-прежнему считает все происшедшее мистификацией? Ибо если Кэрри Уайт истина, то что сказать о Ньютоне?..

Кэрри и мама слушали в гостиной, как Теннесси Эрни Форд поет «Пусть горит нижний свет». Пластинка крутилась на старом фонографе, который мама называла «виктролой» (или в особенно хорошем настроении – «викки»). Кэрри сидела за швейной машинкой и, нажимая ногами педаль, пришивала рукава к новому платью. Мама, устроившись под гипсовым распятием, вязала салфетки и постукивала в такт музыке ногой – звучала одна из ее любимых песен. Мистер П. П. Блосс, написавший и этот гимн, и еще великое множество других, служил для нее одним из блестящих примеров трудов Божьих на земле. Раньше он был моряком и грешником (что в ее лексиконе означало одно и то же), богохульником и насмешником над величием Всемогущего. Но как-то раз на море разыгрался шторм. Когда лодка уже вот-вот должна была перевернуться и затонуть, мистер Блосс узрел видение ада, разверзшегося под морским дном, чтобы поглотить его в одно мгновение, и, опустившись, на грешные колени, принялся молиться Господу. Мистер Блосс пообещал, что, если Бог спасет его, он посвятит ему всю свою оставшуюся жизнь, и шторм, разумеется, тут же прекратился.

Сияет ярко Божья милость,

Его маяк неугасим,

А мы, как завещал Господь,

Огонь на берегу храним...

Во всех гимнах мистера П. П. Блосса отчетливо проступала морская тема.

На этот раз Кэрри шила очень красивое платье – цвета темного вина (красное мама не разрешила) и с пышными буфами на рукавах. Она старалась не отвлекаться от дела, но сами собой вспоминались разные другие вещи.

Свет под потолком горел сильный, резкий, желтый, на маленьком пыльном плюшевом диванчике никого не было (к Кэрри никогда не заходили мальчики, даже просто «посидеть»), а на дальней стене отпечатались двойная тень: распятый Христос, а под ним – мама.

Ей позвонили в прачечную из школы, и она вернулась домой в полдень. Кэрри еще в окно увидела, как она приближается, и внутри у нее все задрожало.

Мама была очень крупной женщиной, и она всегда носила шляпу. Последнее время у нее стали опухать ноги, и иногда казалось, что ступни вываливаются через края туфель. На улице она носила тонкое черное пальто с черным меховым воротником. Голубые глаза выглядели за стеклами двухфокусных очков без оправы просто огромными. Она всегда брала с собой черную сумку, где лежали обычно кошелек для мелочи, бумажник (оба черные), большая Библия (тоже в черном переплете) с ее именем, отштампованным на обложке золотом, и пачка религиозных буклетов, стянутых резинкой. Буклеты были, как правило, в оранжевых обложках и с очень плохой печатью.

Кэрри смутно понимала, что мама и папа Ральф состояли когда-то в баптистах, но оставили церковь, когда убедились, что баптисты служат Антихристу. С тех пор все богослужения проходили дома. Мама занималась этим по вторникам, пятницам и воскресеньям, которые она называла «святыми днями».

Мама выполняла роль священника, Кэрри – конгрегации. Служба длилась каждый раз два-три часа.

Когда мама открыла дверь и твердо вошла в дом, Кэрри встретила ее в маленькой прихожей, и их взгляды на мгновение пересеклись, словно у героев вестерна перед заключительной перестрелкой – одно из тех мгновений

(страх неужели в маминых глазах действительно страх), которые позже кажутся значительно дольше.

Мама закрыла за собой дверь.

– Ты – женщина... – сказала она тихо.

Кэрри чувствовала, как дрожат у нее губы, как меняется лицо, но ничего не могла с собой сделать.

– Почему ты ничего мне не сказала? – расплакалась она. – Я так испугалась, мама... А девчонки смеялись надо мной и бросали в меня всякие...

Пока она говорила, мама приближалась, и вдруг ее рука – твердая, мозолистая, мускулистая – мелькнула в воздухе, словно гибкая лоза, и наотмашь хлестнула

Кэрри по щеке. Зарыдав в голос, Кэрри упала на пол в дверях гостиной.

– ...а Бог создал Еву из ребра Адама, – закончила мама, глядя на нее из-за стекол очков своими огромными, словно очищенные яйца вкрутую, глазами, и ударила ее ногой.

Кэрри закричала.

– Вставай, женщина, и будем молиться. Будем молиться Господу за наши слабые, грешные женские души!

– Мама...

Кэрри рыдала, давась слезами. Давно дремавшая истерика прорвалась наконец наружу, ухмыляясь и бормоча что-то невнятное. Она даже не могла подняться на ноги и только ползла в гостиную, судорожно, хрипло всхлипывая и подметая пол свесившимися на лицо волосами, а мама время от времени поддавала ей ногой. Так они и добрались через гостиную к алтарю, установленному в бывшей спальне.

– А Ева была слаба и... Что дальше? Продолжай, женщина!

– Нет, мама, пожалуйста, не надо, помоги мне...

Еще один удар ногой. Кэрри закричала.

– А Ева была слаба и выпустила в мир черного ворона, – продолжала мама, – и этот ворон звался Грех, а первый Грех звался Сношение. За что Господь наложил на Еву проклятие, и это проклятие есть Проклятие Крови. Адам и Ева были изгнаны из райского сада на землю, и Ева узнала, что живот ее растет от ребенка.

Снова удар ногой под зад, и Кэрри пропахала носом по деревянному полу. Они были уже в комнате с алтарем. Здесь на столе, покрытом шелком с вышивкой, лежал крест. По обеим сторонам от него стояли белые свечи. За ними раскрашенные изображения Христа и его апостолов. А справа – самое ужасное место, темная пещера, где гасла любая надежда, любое противление Божьей – и

маминой – воле. Дверь чулана, словно в насмешку, стояла открытой. Внутри, под жуткой синей лампой, которая никогда не выключалась, висела репродукция Дерро по впечатлениям знаменитой проповеди Джонатана Эдвардса «Грешники в руках разгневанного Бога».

– И было второе проклятие, Проклятие Деторождения, и Ева родила Каина в муках и крови.

Даже не дав Кэрри подняться, она волоком подтащила ее к алтарю, где они обе упали на колени, и мать крепко схватила дочь за руку.

– А за Каином Ева родила Авеля, поскольку не очистилась еще от Греха Сношения, и потому Господь наложил на нее третье проклятие, Проклятие Убийства. Каин поразил Авеля камнем. И все-таки ни Ева, ни дочери ее не очистились от греха, и на их грехах основал Хитрый Змей свое царство разврата и мерзости.

– Мамочка! – кричала Кэрри. – Мама, ну послушай, пожалуйста. Я не виновата!

– Преклони голову! – твердила мама. – И будем молиться.

– Ты должна была мне сказать!

Мама с силой опустила тяжелую руку на затылок Кэрри – за этим движением чувствовались все одиннадцать лет, что она провела, таская тяжелые тюки с бельем и двигая тележки с мокрыми простынями. Голова Кэрри мотнулась вперед и ударилась об алтарь так, что задрожали свечи, а на лбу осталась красная отметина.

– Помолимся же, – сказала мама мягко, но непреклонно.

Плача и хлюпая носом, Кэрри склонила голову. Под носом, словно маятник, раскачивалась длинная сопля, и она

(боже если бы у меня был пятицентовик за каждый раз когда она заставляла меня здесь плакать)

стерла ее рукавом.

– Боже милостивый, – затрубила мама, откинув назад голову, – помоги этой грешной женщине рядом со мной узреть греховность ее возраста и ее жизни. Покажи ей, что, будь она безгрешна, на нее никогда не пало бы Проклятие Крови! Возможно, она совершила Грех Похотливых Мыслей. Возможно, она слушала по радио рок-н-ролл. Возможно, ее искушал Антихрист. Покажи ей, что это Твоих мстительных, но добрых рук работа, и...

– Нет! Пусти меня!

Кэрри попыталась встать, но мамина рука, крепкая и безжалостная, как стальные кандалы, вернула ее на колени.

– ...и что это Твое знамение, и что отныне она должна идти прямой дорогой, иначе не миновать ей мук в геенне огненной. Аминь. – Она взглянула на дочь своими блестящими, огромными из-за очков глазами и добавила: – А теперь иди в чулан.

– Нет! – Кэрри почувствовала, как от страха у нее сперло дыхание.

– Иди в чулан. И молись. Моли Господа о прощении за твои грехи.

– Я не грешила, мама. Это ты согрешила. Ты не предупредила меня, и все надо мной смеялись.

Ей снова показалось, что в маминых глазах мелькнул страх, но он исчез так же быстро и беззвучно, как зарница. Мама принялась силой заталкивать Кэрри в чулан, залитый мертвенным голубым светом.

– Молись Господу, и грехи твои будут прощены.

– Мама, пусти меня сейчас же.

– Молись, женщина.

– Я опять вызову камни с неба!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»
(Матф. 7;14).

Купить: <https://telnovel.com/stiven-king/kerri>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)